

Ольга Степнова

Некрасивая

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 792
ББК 85.37
С79

Степнова О.

Некрасивая / Степнова О. — Москва: ЛитРес: Самиздат,
2021. — 56 с.

ISBN 978-5-532-99068-5

Маша выросла с осознанием, что она некрасивая, и в личной жизни ей ничего не светит. Именно поэтому, став свидетельницей преступления своего начальника Сержа с любовницей, она сначала спасает жизнь сбитому пешеходу Груздеву, а потом вынуждает Сержа провести с ней ночь и даже жениться. За это она готова предоставить следствию доказательства, что за рулем во время аварии был не начальник, а его любовница - она видела это собственными глазами. Чтобы не сесть в тюрьму, начальник соглашается на условия Маши и женится на ней. Но дальше события развиваются не по сценарию Маши. Скоро на канале "Россия"! Сериал Ольги и Владимира Басовых по повести Ольги Степновой "Некрасивая". В главных ролях Лиза Арзамасова и Артём Крылов.

ISBN 978-5-532-99068-5

© Степнова О., текст, 2017
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

I	4
II	8
III	14
IV	18
V	21
VI	24
VII	25
VIII	26
IX	30
X	32
XI	35
XII	37
XIII	41
XIV	42
XV	44
XVI	46
XVII	48
XVIII	51
XIX	53
XX	54

Я некрасивая.

И это не заниженная самооценка, это факт, ежедневно подтверждаемый зеркалом и отношением окружающих.

Нет, я от этого не страдаю.

Я нахожу в этом много плюсов.

Когда тебя не считают соперницей – тебя перестают замечать.

А когда тебя перестают замечать, открывается широкое поле деятельности.

Красоткам и не снилось, как много возможностей открывается тем, кого перестают замечать, кого ни во что не ставят, на кого смотрят, как на пустое место.

Сержа Никитина назначили начальником отдела культуры три дня назад.

"Холостой-холостой-холостой..." – пронеслось среди женской части редакции.

"Квартира-машина-загородный дом, живет с мамой..." – дополнилась информация на следующий день.

Я не понимала, чего так все дамочки перевозбудились, пока не столкнулась с новым начальником в туалете.

Да, он перепутал женский туалет с мужским и мыл руки в тот момент, когда я зашла туда ополоснуть заварочный чайник.

– Ой, – вырвалось у меня. – А ничего, что на двери девочка нарисована?

Он обернулся и посмотрел на меня. Длинный, subtilный, немного угловатый, как кузнечик, с синими прищуренными глазами, может, и не красавчик для кого-то, не знаю, а для меня так единственный тип мужика, от которого подкашиваются ноги. Мне показалось, что он заговорит по-французски.

Он вышел, глянул на внешнюю сторону двери и усмехнулся.

– И, правда, девочка. Извините.

– Ничего, – пожала плечами я и начала ополаскивать чайник. – Можете меня не стесняться.

– Почему?

– Потому.

– А, вы уборщица! – догадался он.

– Ага, – согласилась я.

– Тогда будьте добры, протрите в моём кабинете дверь, она в каком-то... – он несколько секунд подыскивал слово вместо того, которое напрашивалось. – Кофе, что ли, на неё кто-то разлил...

Через пятнадцать минут я мыла дверь в его кабинете, а красotka Рая Малышкина всю флиртвала с ним. Они не замечали меня, потому что женщины с моей внешностью – пустое место.

– Меня Рая зовут, – с придыханием говорила она. – Я пишу о театрах.

Он просканировал её взглядом – Малышкина не могла оставить равнодушным ни одного нормального мужика.

– О театрах? О театрах... – Никитин встал и, не таясь, заглянул Малышкиной в декольте. – Вы издеваетесь?

– Почему?

Повисла пауза. Чёртово пятно на двери не оттиралось ни тряпкой, ни жёсткой губкой, похоже это был не кофе, а краска, и помочь мог только ацетон или растворитель.

– А потому, Рая, что у вас вид человека, который ни черта не понимает в театрах. Где можно ваше что-нибудь почитать?

– На сайте есть мои статьи. – Рая наклонилась к компьютеру и задвигала мышкой. Она и не подумала обидеться на его недипломатичный кульбит.

Я рассматривала пятно на двери, но видела, как Никитин пожирает глазами Раю.

– Я, вообще-то, актриса, – сказала Малышкина. – Ушла из театра из-за травмы позвоночника, не выношу нагрузки.

Она с вызовом на него взглянула, он смутился.

– Извините.

– Ничего, – дёрнула плечом Рая. – Нормальное хамство. Вот статья, читайте.

– У вас ацетона нет? – поинтересовалась я.

Никитин не услышал – он углубился в статью. Рая тоже – она углубилась в свою обиду.

– У вас ацетон есть? – громче спросила я.

– Что? – Никитин оторвал глаза от компьютера.

– Это краска, – пояснила я, показывая на дверь. – Ацетон нужен.

– Мань, ну, какой ацетон? – засмеялась Рая. – Чего ты привязалась к этому пятну? Плюнь на него.

– Это я ей сказал пятно оттереть. Маня? Тебя Маня зовут?

– Мария Геннадьевна.

Ответа моего он уже не услышал, потому что ответы некрасивых женщин не имеют вообще никакого значения.

– Отличный слог, – сказал Никитин Рае. – Лёгкий, хлёсткий, простой. Сегодня премьера в Доме Актёра. Пойдём?

– С вами?

– Со мной.

– Фу, антреприза... – Рая держала марку, но он уже знал, уже видел, нюхом самца осязал скорую и быструю победу уже сегодняшним вечером.

– Вот и напишешь про "фу, антрепризу". Не всё же классикой народ пичкать. Мы разностороннее издание. "Вечёрка" дело такое... демократичное...

Он нёс уже всякую чушь, не имея опоры, потому что Рая была не только красивой, она умела ставить крючок с той наживкой, мимо которой нельзя пройти при нормальных мужских реакциях и здоровой мужской психике.

Я взяла тряпку, губку, пластиковое ведро с водой, и ушла дописывать свою криминальную хронику.

Никитин засел у меня в мозг, в сердце – как до него не удавалось засесть никому, кроме соседа по старому дома Серёже, у которого был огромный дог Ричард. И этот Ричард оказался единственным существом в мире, который время от времени проявлял ко мне мужской интерес. А Серёжа резко дёргал за поводок и кричал "Фу, Ричард!" примерно с той же интонацией, с какой Малышкина говорила "Фу, антреприза".

Я наспех дописала колонку, отдала редактору и на полчаса раньше отпросилась домой, сославшись на головную боль.

– Иди, – вздохнула редакторша Кира Андреевна, махнув на меня рукой. – Одна я тут железная, у меня одной никогда не болит голова.

II

Наверное, вы думаете, что я кокетничаю, называя себя некрасивой.

Наверное, вы думаете, что достаточно немного косметики и сексуальной одежды, чтобы любой серой мышью стать привлекательной.

Так вот, я не серая мышь.

Я некрасивая.

И никакой косметикой и одеждой этот факт не исправить.

Лет в семнадцать я поняла, что лучше совсем не краситься, и одеваться в широкие брюки и водолазку – так я хотя бы пустое место, а не уродина, в которую все будут тыкать пальцем.

Без пятнадцати шесть я решила, что тоже хочу поехать в Дом Актёра.

Имею право.

И могу даже не объяснять себе, почему я этого захотела.

Захотела и всё.

Некрасивым женщинам можно то, что для красивых может показаться странным и неприличным.

Ситуацию облегчало то, что для вечернего выхода мне не нужно было никаких ухищрений – разве что кроссовки сменить на туфли.

Прямо вот слышу, как миллион голосов возмущённо твердит – некрасивых женщин не бывает!

Бывает, поверьте мне.

Даже таксист, подвозивший меня, удивлённо переспросил:

– Куда? Дом Актёра?

Словно хотел сказать – "да тебе с таким хлебальником, милочка, нужно дома сидеть и крестиком вышивать, а не по театрам шляться".

Он молча довёз меня и молча дал сдачу.

Мне ни разу в жизни не попадались болтливые таксисты.

О чём говорить с некрасивой?

О политике – глупо. О бытовых проблемах – ещё глупее.

Лучше прибавить скорость и побыстрее сменить пассажирку.

Я взяла в кассе последний билет. В таких мелочах мне всегда везло, словно кто-то подарил мне компенсацию за мою главную неудачу – внешность.

Спектакль и, правда, оказался пошлейшим – она сказала ему, что едет к маме, а сама назначила встречу любовнику; он сказал, что едет в командировку, а сам назначил встречу любовнице; в результате они крутились в одной квартире, не замечая друг друга, а пройдоха горничная выманивала деньги то у одного, то у другого, и крутила ситуацией так, что я окончательно запуталась в сюжете. Актёры кривлялись, орали и путали слова. Единственное, что меня заинтересовало, так это то, что горничная была некрасива. То есть, правда жизни всё же была в этом спектакле – некрасивые рулят ситуацией, извлекая для себя выгоду, потому что на них, некрасивых, никто особо не обращает внимания.

Правда, мне эта выгода нужна была не в деньгах, а в более тонкой субстанции. Деньги такая чушь – тем более, если их особо не на что тратить. Квартира у меня есть – досталась от бабушки в наследство, – машина мне не нужна, я боюсь водить, в еде я неприхотлива, одежды нужно минимум, ну, а про косметику и другие женские глупости я уже говорила – они из некрасивой превращают меня в уродину.

Раю с Никитиным я в зале не увидела. Закралось даже подозрение, что в театр они не пришли, изменив планы, допустим, на ресторан. Но на поклонях я услышала его голос – "Браво!". Сама удивилась – с чего я решила, что узнала его голос?! – но обернулась и увидела Никитина рядом с Раей чуть позади, через ряд. Они аплодировали каким-то идиотским, дурашливым способом – он правой рукой обнимал её за плечи, а она своей ладонью хлопала в его левую ладонь.

Два часа этого балагана на сцене явно помогли им сблизиться настолько, что после спектакля можно было в ресторан и в постель. А, может, сразу в постель, минуя ресторан – и зависимости от того, жаден или широк душой Серж.

Я вдруг поймала себя на мысли, что хочу знать о нём всё – где живёт, какие у него привычки, что он любит есть по утрам, что смот-

рит и что читает, и говорит ли он по-французски. Мне показалось, что даже самые некрасивые его привычки и мелочные черты характера не смогли бы вызвать у меня неприязни.

Некрасивая горничная аплодисментов сорвала больше всех. И даже единственный букет жёлтых роз достался ей. Она послала воздушный поцелуй в зал.

Никитин, не снимая руку с плеча Раи, повёл её к выходу. Рая засунула руку в задний карман его джинсов.

Я ей не завидовала. Зависть пустое занятие. Я просто хотела быть в курсе, что у них происходит, поэтому поймала такси и попросила водителя ехать за чёрным джипом, в который Серж посадил Раю. Таксист осуждающе покачал головой, но поехал.

– Это мой начальник, – зачем-то пояснила я.

Таксист включил погромче шансон.

Иногда мне хочется поговорить с незнакомыми людьми. Но они редко отвечают взаимностью. Разве что, если хотят продать мне что-нибудь подороже, но это бывает только на базаре, а хожу я туда очень редко.

– Это мой начальник, он, кажется, собрался переспать с нашей сотрудницей! – перекричала я шансон.

– А тебе-то что? – удивился таксист.

– Я знаю, некрасиво следить. Да, вот такая сволочь.

Таксист усмехнулся и промолчал.

Джип затормозил у дома, который называют таун-хаус. Таксист остановился так, чтобы от подъезда его не было видно.

– Я денег с тебя не возьму, – приглушив музыку, сказал он.

– Почему?

– Следить противно. Ненавижу тех, кто подсматривает и подслушивает.

– Вы тут вообще ни при чём. Это я гадина. Возьмите деньги.

– Брысь отсюда, пока я твоему начальнику не посигналил.

Я вышла, он тронулся, соблюдая все правила конспирации – тихо и со светом одних только габаритов.

Чистоплюй и дурак.